

В. Г. Васильевский в изучении византийских древностей

(Доклад в ООН Академии наук СССР, посвященный памяти русского ученого В. Г. Васильевского, к столетию со дня рождения)

Василий Григорьевич Васильевский принадлежит к числу тех ученых, которых он сам называл «большими людьми науки»¹. Уже первые его работы, относящиеся к концу 60-х и первой половине 70-х годов прошлого века, отличались такими выдающимися достоинствами, что Академия наук в 1876 г. избрала его в члены-корреспонденты, а Московский университет присудил ему в 1879 г. степень доктора русской истории *honoris causa* «за замечательные, — как сказано в постановлении университетского совета, — ученые исследования в области исторической литературы». В действительные члены Академии наук В. Г. Васильевский был избран в 1890 г., и академиком числился недолго, так как 26 мая 1899 г. скончался.

Ученая деятельность В. Г. Васильевского началась работами по греческой истории, наиболее значительной из которых является его магистерская диссертация, вышедшая в свет в 1869 г.: «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка».

В предисловии к этой книге Васильевский мотивировал выбор ее темы так: «В небогатой ученой русской литературе все-таки можно указать несколько сочинений или хотя переводных статей, относящихся к другим периодам греческой истории, но последние времена самостоятельного существования Греции не были у нас предметом не только исследования, но даже какого-либо внимания». К этому надо прибавить, что и в иностранной ученой литературе в то время, когда вышла в свет диссертация Васильевского, история реформаторской деятельности спартанских царей III в. до н. э., Агиса и Клеомена, трактовалась лишь в сочинениях трех ученых: Дройзена, Шорна и Фримена.

Эта первая большая работа Васильевского обнаруживает уже все те свойства, которые отличают его последующие труды: внимательное и строго-критическое изучение источников и литературы предмета, умение определить причину и происхождение изучаемых явлений, осветить их с общеисторической точки зрения, конкретное, ясное и местами увлекательное изложение.

Диссертация Васильевского излагает внешнюю и внутреннюю историю Греции с 245 г., когда Арат был избран в первый раз стратегом Ахейского союза, до битвы при Селласии в 222 г. Рассмотрению этого периода, охватывающего всего 23 года, предшествуют обширные вводные главы, где автор говорит не только об источниках для изучаемого времени, но и об отличительных особенностях государственного быта

¹ «Некролог А. А. Куника». «Византийский временник», VI/1899/629.

Греции, выразившихся, по его словам, с одной стороны, в автаркии полисов и, с другой—в создании симмахий и федераций.

В. Г. Васильевский считал, что спартанские реформы III в. предвосхитили некоторые политические учения нового времени, которое «не всегда признает свое заимствование у старого и еще реже сознает, что оно повторяет зады. Может быть, и здесь не последняя задача истории воздать каждому должное». В другом месте своей книги В. Г. Васильевский говорит: «Внутреннее социально-политическое развитие греческого народа совершалось по тем же самым законам, какие заметны в истории других государств; оно представляет, в сущности, тот же самый порядок явлений и смены основных форм экономического и общественного быта, какой потом повторяется в истории Рима и новых государств Европы». Эти высказывания В. Г. Васильевского не являются стремлением «модернизировать» историю античности, которым еще сравнительно не так давно грешили некоторые ученые на Западе и у нас, а свидетельствуют лишь о его широком историческом кругозоре. Диссертация В. Г. Васильевского была ценна не только новизной сюжета, посвященного эллинистической эпохе, но и тем, что он едва ли не первый у нас обратил внимание на явления социально-экономического порядка.

Этим исчерпывается разработка В. Г. Васильевским тем древней истории. Его большая статья, появившаяся в 1882 г.,—«Вопрос о кельтах»—представляет переработку его лекций и может служить показателем того, на каком высоком уровне стояло университетское преподавание Васильевского.

Последующие его работы посвящены уже средневековой истории, главным образом, истории Византии и русской, поскольку последняя с Византией связана.

О том, чем вызван интерес Васильевского к Византии, он в своих трудах не говорит. Лишь в рецензии на докторскую диссертацию Ф. И. Успенского мы находим такие строки: «Задачи русской исторической науки во всех отношениях весьма разнообразны и широки: она еще очень молода и почти начинает только касаться даже таких отделов, в которых ей следовало бы быть полной госпожей. Есть отделы, в которых она не должна и не может довольствоваться повторением чужого. К таким отделам принадлежит, конечно, и византийская история, так тесно связанная с русской и славянской».

В то время, когда В. Г. Васильевский приступил к исследованию специальных вопросов византийской истории, он не имел предшественников ни за рубежом, ни у нас, за исключением, пожалуй, академика Куника, человека очень сведущего, однако скорее лингвиста и этнолога, чем историка. По заявлению самого В. Г. Васильевского, в некрологе Куника, он многим обязан последнему. Интересы Куника сосредоточивались, между прочим, и около таких вопросов, которые интересовали и Васильевского: 1) варяжский вопрос и 2) Византия и значение ее литературы для понимания русской истории.

Куник был ярким норманистом. В. Г. Васильевский не был ни норманистом, ни анти-норманистом. Он не соглашался с теми, кто видел в Византии одни отрицательные стороны, но он не сочувствовал и тем, кто преклонялся перед византийскими порядками, кто склонен был идеализировать византийский государственный и общественный строй. «Мы не ослеплены,—говорил он,—и не связаны никакой предвзятой теорией и никакой школой в своих исследованиях византийской истории»¹.

В своих исследованиях Византии В. Г. Васильевский иногда из загадочных исторических намеков создавал живую, содержательную и правдивую картину. При этом он нередко возвращался к вопросам, ранее им затронутым, с целью их большего освещения или исправления того, что сказано было им ранее. По трудам Васильевского о Византии можно проследить, как росло у нас византиноведение и вместе с ним рос его создатель.

В 1872 г. на страницах «Журнала мин. нар. просв.» появилась большая работа В. Г. Васильевского, посвященная Бестужеву-Рюмину: «Византия и печенеги (1048—

¹ «Труды», I, 401.

1094)». В этой статье, занимающей вместе с приложениями 175 страниц, Васильевский осветил совершенно по-новому события, предшествовавшие Первому крестовому походу, и поводы к нему, роль печенегов в истории Византии второй половины XI в., связь их с сельджуками, длительную и большей частью неудачную борьбу с ними Византии, что, в конце концов, заставило ее правительство обратиться к Западу за помощью. Иначе объясняет В. Г. Васильевский и самое начало крестовых походов. Он придает особое значение факту перехода печенегов за Дунай около половины XI в., факту, по его мнению, столь же важному, как и переход за Дунай западных готтов, положивший начало так называемому великому переселению народов. Византийская политика перед Первым крестовым походом и во время его не может быть понята без учета печенежского вопроса. Да и отношение Византии к русским князьям, указывает В. Г. Васильевский, вероятно, получит новое освещение при подробном изучении истории печенегов и половцев. В. Г. Васильевский исчерпал свою тему полностью, коснувшись при разработке ее таких вопросов, которые, казалось бы, не имели к ней прямого отношения, например, вопроса о разделении церквей, хотя при составлении своей работы он не располагал никакими новыми источниками, а извлекал из давно известных то, что укрылось от внимания ученых, писавших о Первом крестовом походе.

Большая статья В. Г. Васильевского (1876—1877 гг.) «Из истории Византии XII века» касается истории Второго крестового похода, в его связи с союзом Восточной и Западной империй в середине XII в. Тема статьи—союз Восточной и Западной империй в 1148—1155 гг., направленный против папы и сицилийских норманнов, и последовавшая затем южноитальянская война 1156—1157 гг., после которой произошел разрыв между обеими империями, чреватый большими последствиями. Статья основана на привлечении западных, византийских и русских источников. Дополнением к ней явилась статья 1894 г., посвященная изданию надгробного слова Василия Охридского на смерть жены императора Мануила Комнина, Ирины. В приложении к статье «Из истории Византии XII в.» даны специальные исследования о хронологии Никиты Акмината, о первых Неманичах, о Борисе Коломановиче, об известиях русской летописи, касающихся византийско-венгерских отношений.

Из трудов В. Г. Васильевского по византийской истории, трактующих социально-экономические, правовые и финансовые вопросы, прежде всего надо отметить статьи конца 70-х годов: «Законодательство иконоборцев» и «Материалы для внутренней истории Византийского государства». В первой речь идет об эклоге царей Льва и Константина и о так наз. Земледельческом законе, во второй трактуется специально вопрос о мерах в защиту крестьянского землевладения. Когда В. Г. Васильевский писал о византийском государственном и общественном строе, не только не существовало специальных трудов по этому вопросу, но не было даже словаря встречающихся в документах и законах юридических и экономических терминов. Даже такой знаток византийского права, как Цахариз фон Лингенталь, не брался объяснять, о каких податях и повинностях говорится в византийских хрисовулах. В. Г. Васильевский великолепно справился со всеми затруднениями, встречавшимися на пути исследователя этих вопросов. Он указал на многие источники по истории византийского крестьянства и византийской податной системы, перевел или изложил самые запутанные тексты и этим сделал доступными для понимания нелегкие по языку новеллы византийских императоров и документы, сопоставленные в издании Миклошича и Миллера. В. Г. Васильевский определил время издания эклоги и Земледельческого закона; объяснил, что представляла крестьянская община в Византии XIII в. и как она разложилась, какие меры принимались в защиту крестьянского землевладения; познакомил нас с положением крепостных, с крестьянскими наделами; разъяснил многие, до того непонятные, термины. При изучении явлений В. Г. Васильевский сравнивал византийские порядки с западноевропейскими и с порядками Московского государства.

В своих кропотливых изысканиях В. Г. Васильевский не ограничивался печатными источниками, а искал рукописных материалов. В 1881 г. он напечатал обширную статью—«Советы и рассказы византийского боярина XI в.» по неизданной греческой рукописи XV в., хранившейся в Московской синодальной библиотеке и только отчасти известной ученым, причем они не обратили внимания на тот отдел сборника, который представляет большой исторический интерес. Это так наз. «Strategikon» неизвестного автора. Оказалось, этот трактат содержит не только примеры военного искусства, но и правила поведения, житейской мудрости, наставления по хозяйству, домоуправлению, семейной жизни и пр., своего рода «Домострой»; это едва ли не единственное произведение такого рода в византийской литературе. Здесь В. Г. Васильевский обнаружил новые фактические данные для решения исторических проблем, до тех пор неясных для ученых. В том же разделе сборника находился трактат другого автора, содержащий нравочения и советы царствующему императору. Дедом автора первого трактата был Кекавмен, деятель времени Василия II. В. Г. Васильевский автора трактата называет также Кекавменом. Автор второго—внук болгарского боярина Николицы. В 1896 г. полный текст обоих произведений был издан В. Г. Васильевским совместно с акад. В. К. Эрнштедтом.

В том же 1896 г. Васильевский напечатал «Epirotica saeculi XIII», сборник документов, главным образом, из переписки Иоанна Апокавка, греческого иерарха в городе Навпакте (теперешний Лепанто), который был вождем национального сопротивления латинскому завоеванию и советником первых эпирских деспотов, восстановителей греческой независимости в Европе. Эти документы заимствованы из двух рукописных сборников XIII и XIV вв., хранившихся в Синайском монастыре, вывезенных оттуда Порфирием Успенским и затем поступивших в Публичную библиотеку в Ленинграде. Издание их представляло большие трудности. Надо было привести документы в порядок и частью восстановить, так как при переплете рукописей многие листы были перепутаны, а некоторые утрачены.

В 1895 г. появилось большое исследование В. Г. Васильевского о «Хронике Логофета на славянском и греческом». Имя Симеона Логофета, по прозвищу Метафраста, как утверждает В. Г. Васильевский, связано с двумя важными произведениями византийской письменности и с целым рядом вопросов византийской, а отчасти югославянской и русской историографии. В. Г. Васильевский доказал, что Симеон Метафраста, автор собрания житий святых, тождествен с Симеоном Логофетом, составителем хроники, и жил не в XI в., как думали, а в конце X в. При помощи славянской переводной рукописной редакции хроники Логофета и греческих неизданных списков хроники Георгия Амартола В. Г. Васильевским был решен запутанный вопрос о составе хроники последнего, в славянской распространенной ее редакции, в особенности об ее продолжении и о происхождении и взаимной зависимости ряда примыкающих сюда хроник. Решение главного вопроса—о хронике Логофета и ее отношении к другим хроникам—было настолько убедительно, что известный автор «Истории византийской литературы» Крумбахер принял выводы Васильевского целиком. С установленной В. Г. Васильевским хронологией Логофета согласился Делеге (D e l e h a u e), большой знаток и издатель апокрифических памятников, Липсиус (L i p s i u s), автор большого исследования об апокрифах, и другие. Критическая пронизательность В. Г. Васильевского помогла ему в 1872 г. признать подлинность спорного до тех пор письма Алексея Комнина к Роберту Фландрскому, откуда следовало, что сам Комнин призвал крестоносцев.

В. Г. Васильевский едва ли не первый обратил внимание на агиографические произведения, как на исторический источник, и много занимался ими. По его словам¹, они содержат много таких подробностей для характеристики византийского быта,

¹ «Труды», II, 237.

каких нельзя найти в чисто-исторических сочинениях. Его внимание привлекали к себе по преимуществу такие агиографические памятники, которые заключали данные и о начальной поре русской истории. Разбор агиографических памятников и критический анализ их обнаруживают в В. Г. Васильевском замечательно тонкого исследователя.

В 1877 г. В. Г. Васильевский подробно исследовал апокрифические сказания о «хождении» ап. Андрея и житие Стефана Нового и в 1878 г. житие Иоанна Готского, где, между прочим, разбирает вопрос о готских поселениях в Крыму и прослеживает судьбы таврических готов до конца VIII в.; в заключительной главе он дает перевод жития и подробный комментарий к нему. В 1886 г. В. Г. Васильевским переиздана, переведена и комментирована «Повесть Епифания о Иерусалиме и суших в нем мест» IX в. В том же году В. Г. Васильевский издал, с переводом и предисловием, составленные Мелетием жития писателей XII в. — Николая Мефонского и Феодора Продрома. Венцом исторических работ В. Г. Васильевского по агиографическим памятникам являются его «Русско-византийские исследования» 1893 г., содержащие жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского: греческий текст и русский перевод первого жития и краткое житие Стефана (по Халкинской рукописи) с русским переводом и подробное его житие славяно-русское (по рукописи Моск. дух. академии). Издание обоих житий снабжено обширными введениями¹.

Время составления жития Георгия отнесли обыкновенно к X в., В. Г. Васильевский доказал, что оно составлено в IX в., не позднее 842 г.; отсюда вывод, что поход Руси на Амастриду имел место до 842 г. Такой авторитет в области византиноведения, как акад. Ф. И. Успенский, считал, что историко-критические приемы В. Г. Васильевского в исследовании жития Георгия Амастридского обнаруживают в нем мастера исторического анализа, комментарий же к житию может быть назван образцовым критическим опытом².

За полгода до своей смерти В. Г. Васильевский возбудил перед Историко-филологическим отделением Академии наук вопрос об издании списанного его учеником в одном парижском сборнике житий сказания о 42 аморийских мучениках. Сказание касается выдающегося события в истории иконоборческого царя Феофила — взятия его родного города Амория халифом. Этот факт произвел сильное впечатление на современников, отмечен в византийской хронике, но без точного обозначения года, и лег в основу нескольких подробных повествований. В них есть много любопытных подробностей, бросающих свет на идейную борьбу и приемы взаимной полемики между христианством и магометанством в IX в. Одной из особенностей парижской редакции сказания является то, что в ней точно определяется год взятия Амория, а это очень помогает установлению запутанной хронологии последних лет царствования Феофила, куда относится, между прочим, и постройка Саркела в низовьях Дона. Другим обстоятельством, придающим особую ценность парижской редакции сказания, является то, что эта редакция была воспроизведена в двух славянских памятниках: в Супрасльской Минее IX в. и в Макарьевских Четиях Минеях. В. Г. Васильевский знал, что в Московской синодальной библиотеке находятся неизданные редакции сказания об аморийских мучениках, одна из которых считалась самой древней. Незадолго до смерти он получил копии трех греческих текстов с аморийским сказанием и достал копии еще одного, парижского текста. В Италии, куда отправился В. Г. Васильевский в марте 1899 г. лечиться, он собирался написать краткое введение к текстам, объясняющее их значение. Подробное исследование их содержания он рассчитывал написать по возвращении из-за границы. Судьба распорядилась иначе. Задуманное

¹ Первая редакция работы о житии Георгия Амастридского восходит еще к 1878 г., а исследование о житии Стефана Сурожского первоначально появилось в 1889 г.

² ЖМНП, 1899, октябрь, 306.

В. Г. Васильевским издание аморийских сказаний вышло в свет уже после его смерти, в 1905 г., в обработке такого знатока в деле издания текстов, каким был акад. П. В. Никитин. В своем издании, снабженном обширными примечаниями, последний поместил и найденные в бумагах В. Г. Васильевского отрывки его исследования о «Супрасльской Минее», в том виде, в каком он их нашел, сопроводив следующим замечанием: «Зная, как неустанно В. Г. передумывал и перерабатывал свои труды до самой последней корректуры, продолжая совершенствовать изложенное им приведением новых фактов и соображений и тем самым обогащать содержание, нельзя, конечно, быть уверенным в том, что, сделавшись частью целого, отрывок сохранил бы тот вид, какой теперь имеет. Но непростительным самоумнением было бы подправлять или дописывать эскизы такого мастера» (стр. V).

Из беглого обзора научного наследия В. Г. Васильевского видно, что оно состоит из трудов двоякого характера. Одни представляют издание новых или переиздание старых материалов, относящихся к области византийской и византийско-русской истории, с русским переводом, комментариями и обширными введениями историографического и исторического свойства. Другая часть его работ является историческими исследованиями, основанными на изданном уже материале различных крупных эпизодов средневековой истории. В особую категорию следует выделить рецензии В. Г. Васильевского на труды других ученых, принимающие иногда, по своим размерам и содержанию, характер самостоятельных статей. Например, рецензия сочинений Успенского об образовании второго Болгарского царства занимает более 100 страниц.

В. Г. Васильевский не брался за широкие темы. Его привлекала задача собрать, опубликовать и исследовать новые материалы или материалы, хотя уже и опубликованные, но недостаточно анализированные и использованные, осветить отдельные вопросы. Сила его — в точном и всестороннем критическом анализе. Тот метод анализа, который в свое время был разработан для памятников древнегреческой письменности, В. Г. Васильевский приложил к памятникам византийским. Он умел вычитывать в последних то, что ускользало от внимания других.

В. Г. Васильевский был замечательно начитан в памятниках византийской письменности, и это позволяло ему комбинировать и сопоставлять факты, отношения и связи между которыми ранее не подозревались, и таким путем достигать новых результатов. В самых специальных работах В. Г. Васильевского о каком-нибудь частичном вопросе читателя увлекает процесс исследования, ход и приемы критического анализа, сила аргументации и, в конце концов, простота решения вопроса.

Ни одного труда обобщающего характера в богатом наследии В. Г. Васильевского нет. Он принадлежал к числу тех ученых, которых привлекает, главным образом, аналитический, а не синтетический характер исторического понимания; ему было приятнее не столько подводить итоги, сколько ставить и разбирать новые проблемы.

От такого знатока Византии, каким был В. Г. Васильевский, было бы интересно получить ее историю. Он этой истории не написал, но материалом для нее может служить изданное им в 1890 г. отдельной книгой «Обозрение трудов по византийской истории», которое, строго говоря, представляет обозрение трудов по изданию и непосредственному объяснению источников по византиноведению, начиная с эпохи Возрождения и до конца XVIII в. Подобной книги не было ранее и нет и теперь. Составление ее потребовало от автора большого труда, кропотливых библиографических справок по старинным изданиям, так как никакого надежного справочного пособия, вроде появившейся позднее «Истории византийской литературы» Крумбахаера, в распоряжении В. Г. Васильевского не было. Задавшись целью ознакомить читателя с историей византологических штудий, В. Г. Васильевский дал вместе с тем одну из глав истории науки вообще и представил в ярком свете, между прочим, деятельность таких старых, но не устаревших и сейчас ученых, как Дюканж, Бентли, Рейске и др.

Многие из трудов В. Г. Васильевского имели при своем появлении и продолжают сохранять и сейчас чрезвычайно важное научное значение. Появление трудов В. Г. Васильевского, особенно таких, например, как «Русско-византийские отрывки» или «Русско-византийские исследования», привлекало внимание не только специалистов-византинистов и русских историков (многие из последних с гордостью называли себя учениками В. Г. Васильевского), но и лиц, не имевших ближайшего касательства к разбираемым им вопросам: их прельщали новизна содержания, принципиальные выводы и тот стройный изощренный метод, при помощи которого эти выводы получались.

Работы В. Г. Васильевского сравнительно рано обратили на себя внимание за границей. Хотя все свои работы В. Г. Васильевский печатал исключительно по-русски и ни к одной из них не было приложено резюме на иностранных языках, иностранные византинисты, забыв, что *gossica non leguntur*, сочли нужным изучать труды Васильевского, а для этого должны были специально учиться русскому языку. Первый почин в этом отношении сделал известный византинист Крумбахер, приехавший в Петербург специально познакомиться с Васильевским.

В 1892 г. Крумбахер начал издавать первый специальный орган по византиноведению— «*Byzantinische Zeitschrift*», за которым вскоре же, в 1894 г., стал выходить основанный В. Г. Васильевским при Академии наук «Византийский временник», издававшийся сначала В. Г. Васильевским при сотрудничестве его ученика Регеля, затем одним Регелем и, наконец, акад. Успенским. Пример Крумбахера, в отношении изучения иностранными византинистами русского языка, оказался, в хорошем смысле, заразительным. Теперь можно считать почти правилом, что все иностранные византинисты свободно читают по-русски. Таким образом В. Г. Васильевский своими трудами оказался в роли своего рода «культуртрегера» в самом благородном значении этого слова.

Академия наук предприняла, как сказано выше, издание трудов В. Г. Васильевского, рассеянных по разным периодическим изданиям. К 1930 г. вышли в свет 4 тома этих трудов. Чтобы издание считать законченным, понадобилось бы еще 2—3 тома. Было бы наилучшим чествованием исполнившейся 2 февраля 1938 г. столетней годовщины рождения Васильевского принять решение завершить издание трудов одного из замечательных русских ученых¹.

Акад. С. Жебелев

¹ Материалами для настоящего доклада, помимо трудов В. Г. Васильевского и статей о нем, упомянутых выше, послужил еще некролог, составленный П. В. Безобразовым («Виз. временник», т. VI (1899)), и сданная мною на хранение в архив Академии наук рукопись третьей, не напечатанной части труда В. П. Бузескула—«Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.».